

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

XLV

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва 1952

А. М. БЕЛЕНИЦКИЙ

О ПЯНДЖИКЕНТСКИХ ХРАМАХ¹

Раскопками Таджикско-Согдийской экспедиции в 1947—1950 гг. в Пянджикенте вскрыты два крупных здания храмов доисламского времени. Значение этого открытия особенно велико ввиду того, что это первые архитектурные памятники доисламской поры на территории Согда, назначение которых определенно установлено. Благодаря сохранности стен на значительную высоту можно уяснить очень точно план этих зданий. Сохранившиеся фрагменты живописи на стенах чрезвычайно интересны и по своим сюжетам.

План здания (рис. 54) и росписи не оставляют сомнения в том, что мы имеем дело действительно с сооружениями культового назначения. Оба здания одинаково ориентированы стенами по странам света. Основные помещения построены по одному плану. Они состоят из крупного почти квадратного четырехколонного зала, к которому с запада примыкала закрытая комната. С восточной стороны зал переходил в террасу с перекрытием, укрепленным на шести столбах, образуя, таким образом, единое помещение, открытое на восток, обычно именуемое айваном. К исходному плану зданий принадлежат и коридоры, окружающие указанные помещения с трех сторон (СЗЮ). Однако коридоры в обоих зданиях отличаются друг от друга. В первом, в результате пристроек, они были превращены в закрытые помещения хозяйственного назначения. Во втором, как нам кажется, коридоры сохранили свой первоначальный характер и представляют, повидимому, также крытые террасы.

По многочисленным монетным находкам устанавливается, что храмы существовали в VII и начале VIII вв. н. э.

Основной вопрос, который мы намереваемся рассмотреть в настоящей статье,— это вопрос, какому культу принадлежат обнаруженные храмы. Изучение письменных источников приводит к заключению, что в Согде в VII в. н. э. соперничали между собой и пользовались влиянием на широкие массы населения в основном две религиозные системы — зороастризм и манихейство. Что касается буддизма, имевшего широкое распространение в предыдущие века, то в Согде он к VII в. утерял свои позиции. Говорить о распространении в Пянджикенте в это время христианства нет оснований.

А. Ю. Якубовский и М. М. Дьяконов придерживаются мнения, что храмы Пянджикента являются храмами зороастрийцев. Но этому предположению противоречит ряд существенных фактов, прежде всего планы зданий.

¹ Сокращенное изложение доклада на секции Средней Азии.

В настоящее время каноническая планировка зороастрийских храмов хорошо известна главным образом по довольно многочисленным памятникам, открытым в Иране. Здесь выработался, в соответствии с требованиями культа, совершенно определенный тип построек. Обычно это квадратные в плане здания, состоящие из одного помещения — святилища, обведенного двойными стенами, пространство между которыми служит

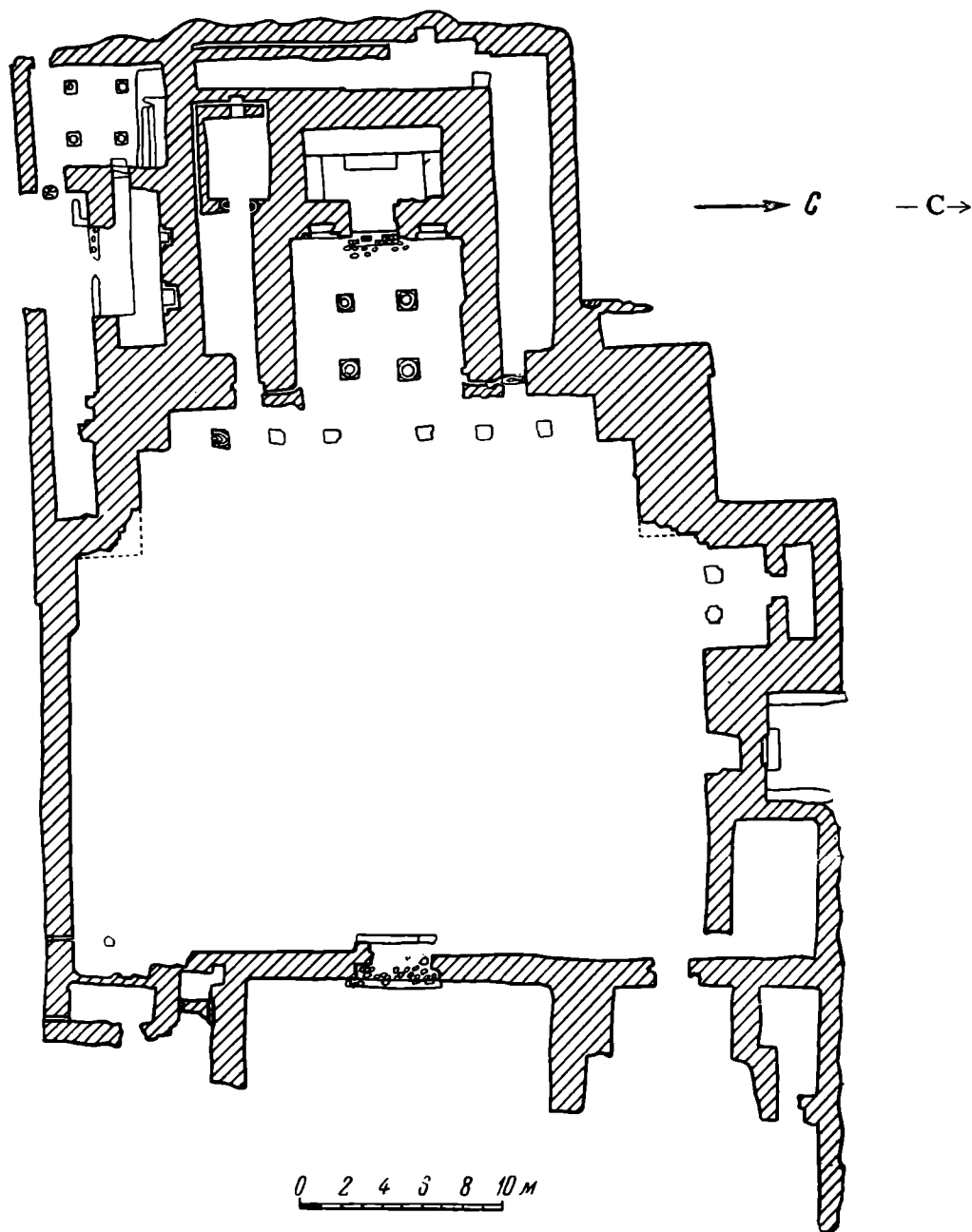

Рис. 54. Пянджикент. План храма № 1.

обходным коридором. Подобный тип сооружений особенно хорошо представлен в храме, раскопанном в Шапуре. Последний для нас представляет особый интерес, поскольку, как пишет С. П. Толстов, с ним почти «тождественны» и планы некоторых открытых им храмов в Хорезме. Таким образом, можно полагать, что храмы огня имели аналогичный план и в Средней Азии в целом. При сопоставлении планов обнаруженных нами зданий с типичным зороастрийским храмом огня приходится констатировать отсутствие каких-либо общих элементов. Действительно, если основ-

ная забота строителей храмов огня была направлена на то, чтобы преградить доступ дневного света в центральное помещение, где стоял алтарь с огнем, то пянджикентские храмы рассчитаны на то, чтобы дать максимальный доступ солнечным лучам. Исходя из этого сопоставления, нужно признать, что обычными «домами огня» сооружения, обнаруженные в Пянджикенте, служить не могли.

Чуть ли не в большей степени против предположения о принадлежности храмов зороастризму свидетельствуют и росписи в них и несомненное наличие скульптурных изображений.

Зороастризму, во всяком случае сассанидско-иранскому, была абсолютно чужда храмовая иконография в какой бы то ни было форме. До сих пор ни при одном из храмов не найдено культовых изображений ни в живописной, ни в скульптурной форме. Взгляд на зороастризм как на религию без «культовых изображений», без иконографии, насколько известно, принят в литературе.

Нам кажется наиболее вероятным, что храмы Пянджикента были манихейскими.

Основанные на материалах письменных источников и литературы по вопросу о распространении манихейства в Средней Азии, наши выводы сводятся к следующему.

1. Распространение проповеди манихейства в Средней Азии началось еще при жизни основателя религии Мани, т. е. в последние десятилетия III в. н. э.

2. Это учение нашло широкий отклик в среде местного населения — оседлого и кочевого. Влияние манихеев было настолько значительным, что даже в X в., несмотря на повсеместные гонения против них в мусульманском мире, мусульманизированным властям приходилось терпеть открытое существование манихейской общины в Самарканде.

3. Успех манихейства был обусловлен двумя обстоятельствами: 1) наличием существенных социальных элементов в учении, на базе которых складывались программы народных движений (например, маздакитства, движение людей в белых одеждах); 2) приспособляемостью к местным верованиям и культам. Особое значение имеет последний пункт. Манихейство, сохраняя отвлеченные принципы учения, при формировании культа в каждой стране, куда его приносили миссионеры, ориентировалось на народные верования, на культы, пользовавшиеся в местной народной среде наибольшим влиянием. Так, на западе, в Сирии, Египте, где ко времени выступления манихеев было распространено раннее христианское учение, широко использовались христианские символы, имена и понятия.

На дальнем Востоке манихеи в значительной мере воспользовались буддийскими представлениями, что вызвало обвинение в маскировке под буддийский культ. В Иране их терминология проникнута авестийскими именами.

Вот почему в манихейских сочинениях и документах бок о бок встречаются Христос, Митра, Будда и многие другие божества. Включение в теогонию манихеев местных богов — наиболее характерная особенность их учения, придающая ему чрезвычайно эклектическую форму.

Нет основания сомневаться в том, что и в Средней Азии манихейство приспособлялось к местным верованиям, одновременно приспособлявая и их к своей системе.

В письменных источниках сохранилось немало известий о ряде культов, имевших, видимо, часто лишь локальное значение, но иногда и более широкое распространение. Таков, например, культ предков, сведения китайских источников о котором широко известны. Меньше привлек к себе до последнего времени внимания другой, несомненно древний культ среднеазиатских народов — астральный, связанный с почитанием небесных

тел. С этим культом нас знакомит очень любопытная, крайне устойчивая традиция в арабских источниках. В краткой форме она изложена у Саалиби, автора XI в., происходившего из Нишапура. «До Гиштаспа,— пишет он,— цари придерживались религии сабейцев, они поклонялись планетам (ал-Кавакиб) и почитали светила (солнце и луну) и созвездия.

Зардушт также начал со служения им, но он внес много путаницы и суеверия. Он возвеличил дело огня из-за близости к богу».

Чрезвычайно интересно и конкретное сообщение источников о наличии в Средней Азии связанного с астральным культом храма, о котором сообщает Шахристани: «К ним (к известным храмам, посвященным светилам) относится храм Каусан, построил его царь Каус. Это был удивительный храм, посвященный Солнцу¹. Находился он в столице Ферганы и разрушил его ал-Мутасим».

На основании этих данных законно сделать вывод, что в Средней Азии существовал уходящий в глубокую древность культ почитания небесных светил, звезд. Оставим в стороне вопрос о том, насколько этот культ совпадает или отличается от авестийских астральных представлений и божеств. По всей вероятности, в наименованиях они были в определенной части идентичными. Но он навряд ли совпадал с пантеоном авесты, во всяком случае авесты, вышедшей из-под рук ее кодификаторов в западном Иране.

У манихеев, как известно, элементы астрального культа занимают чрезвычайно большое место в религиозной системе, что, естественно, в значительной мере содействовало распространению этого учения среди населения Средней Азии. В письменных источниках астральный культ обычно именуется сабейским, по имени известных звездопоклонников северной Месопотамии.

Учитывая сказанное, перейдем к рассмотрению пянджикентских памятников. Прежде всего рассмотрим с точки зрения манихейства планы храмов.

Для понимания характерных особенностей зданий, особенно в центральной их части, представляет интерес описание сабейских храмов. Сабейцы придавали внешней планировке символическое значение, и храмы, посвященные отдельным светилам, строились по определенному плану.

Наиболее компактное и раннее описание сабейских храмов мы находим у Масуди. «А к храмам сабейцев,— пишет он,— относятся храм Миропорядка, храм Необходимости и храм Души, это здания круглые по форме. Храм Сатурна шестиугольный, храм Юпитера трехугольный, храм Марса прямоугольный, храм Солнца квадратный, храм Венеры [имеет форму] треугольника внутри квадрата. Храм Меркурия имеет треугольную форму внутри удлиненного прямоугольника, а храм Луны — восьмиугольной формы. Сабейцы в этом видят символы и тайну, которые они скрывают».

Повидимому, приведенное ранее замечание Шахристани о храме Солнца (или Меркурия) в столице Ферганы, согласно которому он был «удивительным сооружением», есть указание на аналогичную особенность его планировки.

Интересен известный рассказ Нершахи о дворце, построенном на площади Регистан в Бухаре в саманидское время.

По этому рассказу, дворец несколько раз перестраивался, так как всякий раз после постройки он вскоре разрушался. И только после того, как колонны, на которые опиралось здание, были расставлены в виде фигуры Большой Медведицы, оно получило устойчивость.

¹ По другой версии — Меркурию.

Однако этим мы не хотим сказать, что манихеи принесли с собой особую зодческую традицию или твердый канон. Наблюдения над остатками наших храмов говорят об обратном. Приводя этот пример, мы имели в виду тот факт, что здание первого пянджикентского храма получило окончательную форму в результате весьма существенных перестроек, следы которых устанавливаются вполне определенно.

С полным основанием можно сказать, что эти перестройки — результат приспособления здания более раннего культа к потребностям другой общины. Аналогичные факты засвидетельствованы в источниках и не требуют особых доказательств. Укажем, например, на факты приспособления в Средней Азии прежних храмов под мусульманские мечети. Для храма № 1 замечательным подтверждением сказанному может служить открытие негативного отпечатка росписи на внутренней стороне слоя штукатурки в приделе. Стиль и характер изображения, сохранившегося таким образом от более раннего времени, настолько отличны от всего комплекса фресок, относящихся к последнему этапу жизни здания, что его можно отнести к другому культу.

О принадлежности храмов манихеям говорит и наличие росписи. Все, что известно о самом Мани и о манихейском учении, так же как и памятники манихейства, дошедшие до нас, указывает на исключительно большое значение, которое придавалось изобразительной стороне культа, что представляло прямую противоположность зороастризму.

Чрезвычайно интересен тот факт, что Фирдоуси в «Шахнамэ» этот момент деятельности Мани сделал центральным. Мани фигурирует под эпитетом «картинопоклонник». Вот слова, с которыми во время суда или диспута Мобед обращается к Мани:

Сказал он [Мобед] ему [Мани]: «О ты, человек, поклоняющийся картине.
Зачем ты протянул свои (нечистые) руки к Яздану.
Зачем ты в качестве доказательств приводишь картину,
Если же ты нарисовал ее, то заставь же и двигаться ее»
[т. е. сделай ее живой].

Не менее интересен и тот известный факт, что вместе с первыми миссионерами манихейства в Среднюю Азию направлялись и художники.

Очевидно, большое место изобразительного искусства в манихействе определялось причинами не эстетического порядка. В их миссионерской деятельности искусство играло, несомненно, определенную пропагандистскую роль. Одновременно необходимо учитывать и то, что в Средней Азии манихеи столкнулись с древней и очень распространенной художественной традицией.

Таким образом, и с этой стороны отнесение храмов Пянджикента к манихеям не встречает препятствий.

Рассмотрим один из сюжетов, представленных на фреске южной стены второго здания, а именно сцену оплакивания покойника (рис. 55). Для суждения о культе эта картина в целом, как и в отдельных деталях, дает наиболее наглядный и определенный материал. Перед нами прежде всего реальный похоронный обряд, вернее один из его моментов — оплакивание. Но присутствие божеств свидетельствует, что картине придавался и другой смысл. Очевидно, в данном случае речь может идти или об отображении эсхатологических представлений, или же о сюжете мифологического содержания. Имеющийся материал позволяет рассмотреть сцену с обеих точек зрения.

О том, как представляли себе манихеи загробную жизнь, есть достаточно определенные сведения. В арабском сочинении «Фихрист», в специальной главе, излагается учение манихеев о будущей жизни. В ней между прочим говорится: «Когда наступает смерть истинно верующего,

Рис. 55. Фрагмент росписи на южной стене главного помещения храма № 2.

первочеловек посылает к нему божество света в образе мудреца-проводника, а вместе с ним три божества и с ними сосуд, одежду, посох, корону и лучезарный венец. Приходит с ним девушка, подобная душе этого праведника... И они берут этого праведника и одевают ему корону, венец и одежду и дают ему сосуд в руки. Затем вместе с ним они восходят по столбу утренней зари (или «столбу славы») к лунному небу и к первочеловеку, и к Нахнахе, матери всего живущего, пока не достигают до места, в котором он был вначале в раю света».

Сопоставляя картину с приведенным текстом, нельзя не признать, что ряд моментов в них близки между собой. Но в то же время очевидно, что картина не является абсолютно адекватной иллюстрацией к тексту. Здесь приходится учитывать и то, что сохранившаяся часть фрески — лишь фрагмент более полной композиции. Поэтому и частичное совпадение текста с картиной имеет немаловажное значение. Уже одно изображение группы из трех божеств может служить ценным свидетельством о связи картины с манихейскими представлениями. Особенно интересно упоминание в тексте некоторых реалий: кувшина, столба и венца света.

На картине в Пянджикентском храме фигура с кувшином в руке, помещенная впереди сооружения с покойником, занимает центральное место среди участников сцены. Не является ли странный по своей расцветке столб с диском наверху изображением «столба утренней зари», по которой душа должна «восходить» к сферам светил? Нельзя не отметить и того, что название «венец света» (лучистый венец) весьма подходит к венцам, окружающим головы божеств на картине.

Однако можно привести основания и для мифологического объяснения картины. При этом исходными будут сведения, относящиеся к астральному культу.

Так, в «Фихристе» имеется следующее описание праздника сабейцев, падающего на месяц Таммуз (седьмой месяц солнечного года). «В середине его, — пишет автор, — праздник ал-букат, что значит плачущие женщины. Это праздник Таммуз, посвященный божеству Тавуз. И оплакивают его женщины, [причитая] о том, как его убил его господин и размолок его кости в мельнице, а затем развеял их по ветру. И женщины ничего не едят размолотого в мельнице [в это время]».

Китайским путешественником начала VII в. Вей-Цзе записан в Самарканде почти аналогичный миф. «Они [жители Самарканда], — сообщает Вей-Цзе, — поклоняются небесному богу и в высшей степени его почитают. Они говорят, что божественное дитя умерло в седьмом месяце и что кости его потеряны. Служители бога, когда наступает этот месяц, одевают черные одежды со складками. Они ходят босиком, ударяют себя в грудь и плачут и на лицах их мокрота сливается со слезами. Мужчины и женщины расходятся, чтобы искать тело божественного ребенка. На седьмой день обряд приходит к концу».

Отметим, что Вигер — издатель китайского текста сообщения Вей-Цзе, склонен видеть в рассказе отражение манихейских представлений. Следовательно, видя в картине и мифологический сюжет, мы можем вполне отнести ее к манихейской среде.

В заключение следует остановиться на реалистической передаче картины похоронного обряда.

Прежде всего интересны детали, рисующие самоистязания участников оплакивания. Они подтверждаются рядом известий. Так, в «Шахнамэ», в главе о поединке Рустема с сыном Захрабом, когда Рустем узнал в убитом собственного сына, говорится: «Когда Рустем услышал [об этом], он стал царапать лицо, бил по груди и вырывал волосы».

Документальная достоверность этой детали подтверждается двумя сообщениями известного историка Табари. Ценность его сообщений

особенно велика в связи с тем, что они синхронны пянджикентским храмам. Так, под 110 г. гиджары (728—729 г. н. э.), в рассказе о столкновении между арабами и тюрками Средней Азии, сообщается о ранении, а затем и смерти одного из предводителей последних. В связи с этим автор сообщает: «И начали они обрезать свои уши и наносить безжалостные удары по своим головам, оплакивая его».

Другой текст относится к 121 г. хиджры (738—739 г. н. э.), когда был убит известный тюркский хан Курсуль. Об оплакивании его воинами Табари повествует почти теми же словами, что и в первом рассказе. «Они,— пишет он,— обрезают свои уши, царапали лица и горестно оплакивали его». Но одновременно автор добавляет одну деталь, чрезвычайно для нас интересную: «Когда был убит Курсуль, тюрки привезли какое-то сооружение (т. е. здание) и сожгли его».

Вполне вероятно, что именно такое сооружение изображено на нашей картине.

Интересно и то, что «Шахнамэ» также передает рассказ о сожжении палатки в связи со смертью героя.

Так, в упомянутой главе поэмы после описания оплакивания Захраба говорится:

С того поля понесли его гроб,
И в сторону своего шатра направился (Рустем).
В ограде [парда-сарай] разожгли огонь,
И все войско его [Рустема] посыпало головы прахом.
Ту палатку и разноцветные ткани [парчи],
Тот трон драгоценный, украшенный золотом,
Бросили в огонь. И поднялся плач.

В этом описании находят объяснение два факела в руках женщин, изображенных на картине перед сооружением с покойником.

И, наконец, подчеркну то обстоятельство, что вместе с согдийцами среди участников оплакивания представлены и тюрки, в среде которых манихейство в то время было распространено.

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
73	3 св.	с черенками	с черепками
85	1 сн.	см.	с см.
126	2 св.	гиджары	хиджры
127	5 св.	академия материальной	академия истории материальной

Краткие сообщения, вып. XIV

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

55

А. М. БЕЛЕНИЦКИЙ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ В ПЯНДЖИКЕНТЕ

Пянджикентский отряд Таджикской археологической экспедиции, работавшей под руководством члена-корреспондента АН СССР А. Ю. Якубовского, продолжал в 1952 г. раскопки на городище древнего Пянджикента. Общие итоги их следует признать весьма значительными. Пянджикент дает прежде всего замечательные образцы древней архитектуры и городского типа и сельского пригородного.

Работы дали много новых находок, расширяющих наши представления о материальной культуре согдийцев в доарабское время. Важным достижением надо признать открытие новых памятников искусства, в особенности скульптуры.

Но значение проведенных работ заключается не только в накоплении новых данных и наблюдений. Мы получили материалы для постановки некоторых весьма важных проблем общесторического порядка. Впервые в Пянджикенте обнаружены следы ремесленных мастерских, и теперь мы можем поставить вопрос о характере ремесленного производства, вопрос, по которому до настоящего времени высказываются самые противоречивые мнения. Интересные проблемы возникают по истории искусства народов Средней Азии. Данные раскопок очень важны для истории собственно Пянджикента, в частности для определения времени его существования, смены и эволюции идеологии, верований населения города.

Раскопки произведены на территории шахристана и на территории пригородного поселения. На шахристане раскапывались три крупных строительных массива (II, III и VI объекты). В пригороде вскрыты три отдельно стоявшие дома сельского типа (VIII объект).

Не останавливаясь подробно на архитектурном описании раскопанных объектов, что должно стать темой специальной работы, ограничимся лишь самой общей их характеристикой.

Объект II. Этим названием обозначен участок городища¹, на котором расположен второй из открытых в Пянджикенте храмов (рис. 1 — сверху). По объему работ участок занимает первое место; вскрыта площадь около 700 м² при средней глубине в 4 м. Особое внимание уделялось исследованию валов ограды, окружавшей двор храма. Вскрыты три стороны ограды — западная, северная и восточная. Южная сторона исследована во время раскопок прошлых лет. Таким образом, мы имеем достаточно полное представление об этом храме как архитектурном комплексе.

¹ Каждый из раскапываемых на городище участков, который предположительно включает отдельный строительный комплекс, получает постоянный номер, обозначаемый римской цифрой.

Каждая из сторон ограды составляет более или менее разнообразную систему построек, различных по плану и назначению. Из отдельных помещений отметим помещение № 4 в северной стороне ограды. Есть некоторые основания считать его мастерской ремесленника, мастера-металлиста. Особенно интересен айван — открытая на восток галерея, идущая по внешней стороне восточной ограды, справа и слева от главных ворот. В завале айвана обнаружено много фрагментов скульптурных фигур, а на двух стенах (западной и южной) южного крыла — остатки панели с рельефной скульптурой (см. ниже). На участке II объекта собрано наибольшее по сравнению с другими объектами число находок. Отметим, что из трехсот монет, найденных в 1952 г., более двухсот обнаружено на этом участке.

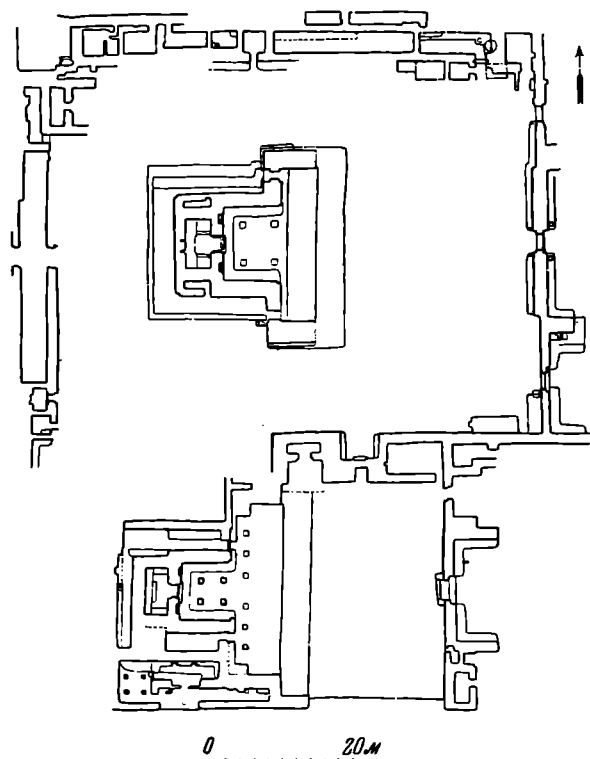

Рис. 1. Общий план первого и второго (сверху) храмов.

Объект III. Огромный строительный массив, тянувшийся параллельно восточному валу крепостной стены, протяженностью более 100 м при ширине более 30 м, раскапывается с 1949 г. В 1952 г. раскапывался участок в северо-восточном углу массива, площадью более 250 м². Вскрыто полностью или оконтурено шесть отдельных помещений. Из них особенно интересен парадный зал. Это квадратное помещение 7,8 × 7,8 м с одним проходом в восточной стене. Помещение разрушено пожаром. Стены, сложенные из пахсовых блоков, сохранились на высоту в среднем до 3,5 м. Они были тщательно оштукатурены двойным слоем обмазки. Когда-то вся их поверхность была покрыта многоцветной росписью, от которой сохранились лишь отдельные пятна; только по самому низу стен сохранились остатки широкого орнаментального бордюра, выполненного красной краской, вероятно по шаблону. Большой интерес в архитектурном отношении представляют обуглившиеся деревянные конструкции упавшего на пол перекрытия.

При разборке обгорелого дерева обнаружены плахи с резьбой. Рельеф резной поверхности сравнительно невысокий. К сожалению, обуглившаяся

поверхность дерева благодаря резьбе очень сильно осыпается. Тем не менее удалось установить некоторые мотивы узора. Так, на одной деревянной плахе изображен побег выходящего растения, на другой — дуга арочки с пятилепестковыми розетками.

Пожар в зале произошел, повидимому, внезапно. В отличие от остальных аналогичных помещений, на полу которых обычно находились единичные и часто случайные предметы, в помещении зала сделан ряд ценных находок, имеющих существенное значение для восстановления быта жителей. Здесь найдено несколько целых сосудов, предназначенных для варки пищи, в том числе сосуд, почти целиком заполненный горохом. Под раздавленными обломками сосудов обнаружено много хлебных злаков — проса, кукурузы, пшеницы, ячменя. Важность этих находок, первых на городище, не требует особого подчеркивания.

На суфе у входа найдено около 130 шариков из глины (диаметром 1 см). Шарiki слабо обожжены, причем не совсем ясно, произошел ли обжиг во время пожара или же они были обожжены специально. Возможно, что шарiki служили для гаданья или какой-то игры¹.

Объект VI расположен к юго-востоку от здания III, вблизи восточного вала крепостной стены. Раскопки его начаты в 1951 г., а в 1952 г. были продолжены к востоку от первых двух помещений. На этом участке, площадью около 200 м², наместились контуры шести помещений; пока они полностью не исследованы.

Наиболее важный результат работ — открытие помещений верхнего этажа. Удалось зафиксировать устройство части кухни с очагами и установить наличие небольших комнат, полы которых, а вероятно и стены, были покрыты ганчевой штукатуркой. Судя по размерам этих «комнат» и по характеру штукатурки, они служили, как полагает руководивший раскопками Б. Стависский, хранилищами зерна или других продуктов. Таким образом, выясняется, что помещения верхнего этажа имели, видимо, вспомогательное значение. В числе наиболее интересных комнат следует отметить помещение с пандусом, ведущим на второй этаж, и квадратное помещение (6 × 6 м), на верхних частях стен которого обнаружены следы росписи. Остальные представляют собой комнаты коридорного типа со сводчатыми перекрытиями.

Объект VIII — это группа холмов за пределами городской стены, к востоку и к югу от нее. В 1951 г. был раскопан один такой холм и вскрыт отдельно стоящий дом, очень интересный по четкости своего плана.

В 1952 г. раскопано три других дома² и собраны новые ценные материалы, в частности по планировке отдельных зданий. План каждого дома отличается существенными особенностями. Установлены некоторые новые детали внутреннего устройства помещений. Большое значение приобретает открытие в одном из домов ремесленной мастерской, открытие, важное не только для суждения о занятиях жителей пригорода, но и о социальном положении пянджикентских ремесленников в целом.

Материалы раскопок вполне подтвердили и некоторые наблюдения, сделанные в 1951 г., относительно строительной техники, строительных материалов, основных конструктивных приемов построек пригородного типа.

Подтвердились общие наблюдения, что дома пригородных жителей были рассчитаны на проживание отдельных небольших семей. Во всех трех домах жилая площадь рассчитана лишь на одну небольшую семью.

Необходимо отметить открытие в доме № 2 мастерской, связанной с изготовлением стекла (рис. 2—1), а в одном из помещений дома № 4 (рис. 2—2) — мастерской оссуариев. Из трех найденных здесь оссуариев

¹ Аналогичные шарiki нередки среди археологических находок в Средней Азии. Такие шарiki применялись до последнего времени у казахов для гаданья.

² Нумерация домов идет в следующем порядке: № 1 (раскопки 1951 г.), № 2, 3, 4 (раскопки 1952 г.).

интересен один, на лицевой стенке которого сохранились любопытные украшения: по всей поверхности стенки идут полосы из зигзагообразных линий; в центре расположена вылепленная от руки женская фигура в длинном платье, держащая над головой длинный шарф; по обе стороны фигуры помещено по одной птице.

В комплексе археологических находок 1952 г., имеющих большое значение для восстановления общего облика и уровня материальной культуры жителей Таджикистана изучаемого времени, следует выделить:

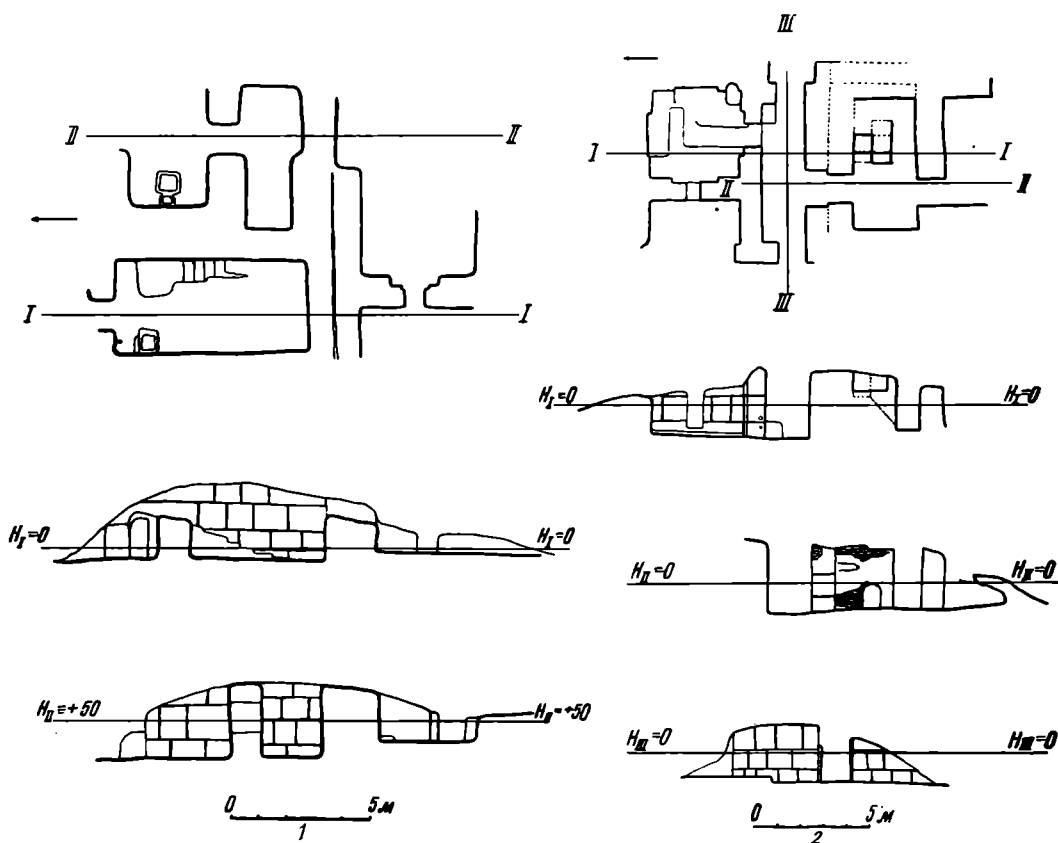

Рис. 2. Планы и разрезы домов:

1 — дом № 2; 2 — дом № 4 (объект VIII).

Керамические и стеклянные изделия. Находки керамических изделий — этого наиболее массового археологического материала — были особо обильны, причем, в отличие от прошлых лет, в 1952 г. найдено много целых сосудов.

Много форм целиком восстанавливается по фрагментам (рис. 3). Керамика очень разнообразна: много образцов крупных хумов, достигающих высоты 90 см и диаметра тулова 75 см. Некоторые хумы с клеймами-тамгами или с отпечатками печатей владельцев. Клейма весьма разнообразны: в виде жертвенника (?), фигур оленей, козлов, плода граната и др.

Собрано много кувшинов; два кувшина раскрашены красной краской, у одного орнаментальным мотивом служит ветвь граната, завершающаяся плодом этого дерева.

Многочисленны кружки и чаши, среди которых есть очень парадные, украшенные оттисками розеток из плодов граната. Несколько экземпляров имеют слюдяную обсыпку, имитирующую металл (серебро, золото). Три фрагмента сосудов украшены орнаментальными поясами с изображениями человеческих лиц и масок.

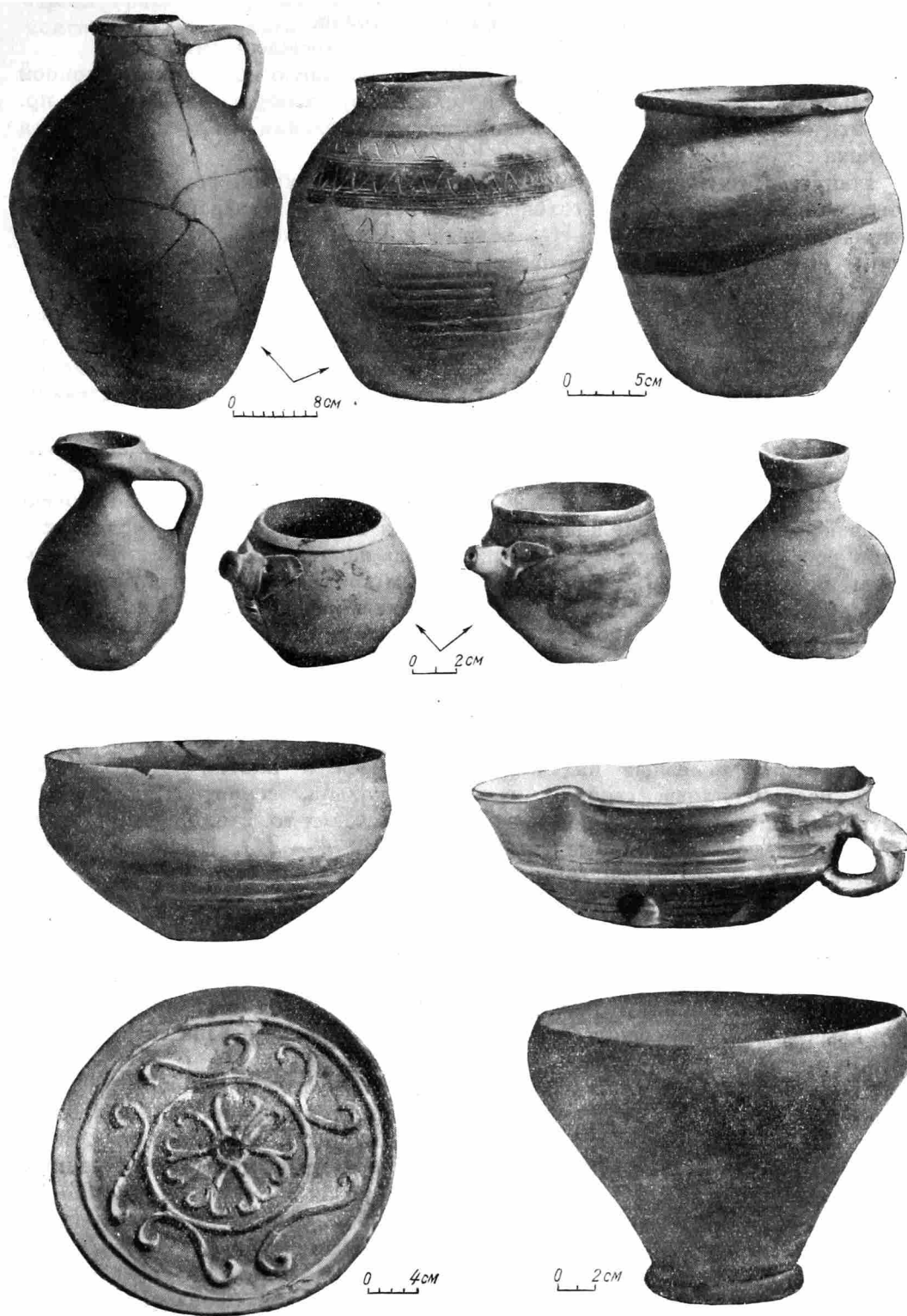

Рис. 3. Керамические изделия из Пянджикента.

Среди находок много мелкой глиняной посуды, частично служившей, вероятно, для хранения приправ к пище или косметических жидкостей. Сосуды эти обычно весьма изящной формы. Три из них снабжены носиками (сливами), оформленными в виде коровьих голов.

Многие из этих изделий найдены почти неповрежденными.

Нельзя не отметить собранную в 1952 г. большую коллекцию кухонной посуды для приготовления пищи — котелков, кружкообразных сосудов и пр. Все эти сосуды ручной лепки. Такого же изготовления найдена интересная крышка с ручкой в виде рогов быка.

Найдено несколько детских игрушек — погремушек, ручки которых обычно оформлены в виде головы животного, а также фрагментов фляги, покрытой голубой поливой. Это первый в Пянджикенте поливной сосуд, форму которого удастся установить.

Железные изделия. Находки железных изделий очень разнообразны (рис. 4). Особенно ценными следует признать впервые найденные здесь орудия труда. Значительно расширяется и общее представление об объеме производства железных изделий. Основная группа железных изделий собрана в помещениях ограды второго храма. Интересные находки сделаны и в пригородных усадьбах.

В количественном отношении первое место среди находок железных предметов занимают предметы вооружения, прежде всего наконечники стрел. Интересна находка наконечника копья. При постоянных находках наконечников стрел наконечники копий встречаются очень редко. Из числа предметов вооружения отметим также железную пандырную пластинку 3,5 см длины при ширине в 1,3 см, с закругленным концом. Два отверстия по бокам служили для пришивки к матерчатой или кожаной подкладке. Наличие в комплексе защитного вооружения чешуйчатых шлемов засвидетельствовано росписями. Так, на росписях квадратного зала объекта VI один из воинов изображен в шлеме такого типа.

Большая группа железных изделий относится к хозяйственному домашнему инвентарю, среди которого относительно часто встречаются ножи.

Встречены железные изделия, относящиеся к плотнично-столярному делу: костылевидные гвозди¹, железные кольца, вероятно являвшиеся частью дверной цепочки (рис. 4—27); для каких-то столярных изделий предназначались наугольные накладки (рис. 4—24), двойные скобы (рис. 4—22) и некоторые другие предметы.

Железные принадлежности конской сбруи немногочисленны, но интересны. К ним относятся две прямоугольные пряжки от ремней подпруги (рис. 4—5, 6). Из них одна крупная (6 × 5 см), другая меньше (3 × 2 см). Язычок пряжек прикреплен непосредственно на одном из стержней рамки, чем они конструктивно отличаются от поясных пряжек, у которых обычно для язычка делалась специальная ось, делящая пряжку на два звена. Кроме того, пряжки от поясов имеют более сложную форму.

Наиболее важной находкой следует признать удила. Несмотря на сильную коррозию, конструкция их восстанавливается полностью. Они снабжены прямыми псалиями и имеют по два кольца для прикрепления ремней узды и поводьев. Такого типа удила характерны для инвентаря кочевнических захоронений Семиречья и Южной Сибири.

Интересно отметить, что и на росписях Пянджикента удила даны такой же формы. Во всяком случае наличие псалий бесспорно.

К орудиям труда относятся серпы, особого вида топорики (рис. 4—1), наковальня (?) и лопатка для горна. Найдено два полностью сохранившихся экземпляра серпов. Они несколько разнятся по размерам. Общим для них является способ прикрепления рукоятки: оба они бесчерешковые; тупой

¹ В Пянджикенте встречаются и гвозди со шляпками.

конец пластины серпа вставляется в соответствующий вырез рукоятки, прикреплённой одной или двумя заклепками, которые сохранились на обоих серпах (рис. 4—9, 10). Такой способ прикрепления рабочей части к рукоятке следует считать характерным для Пянджикента.

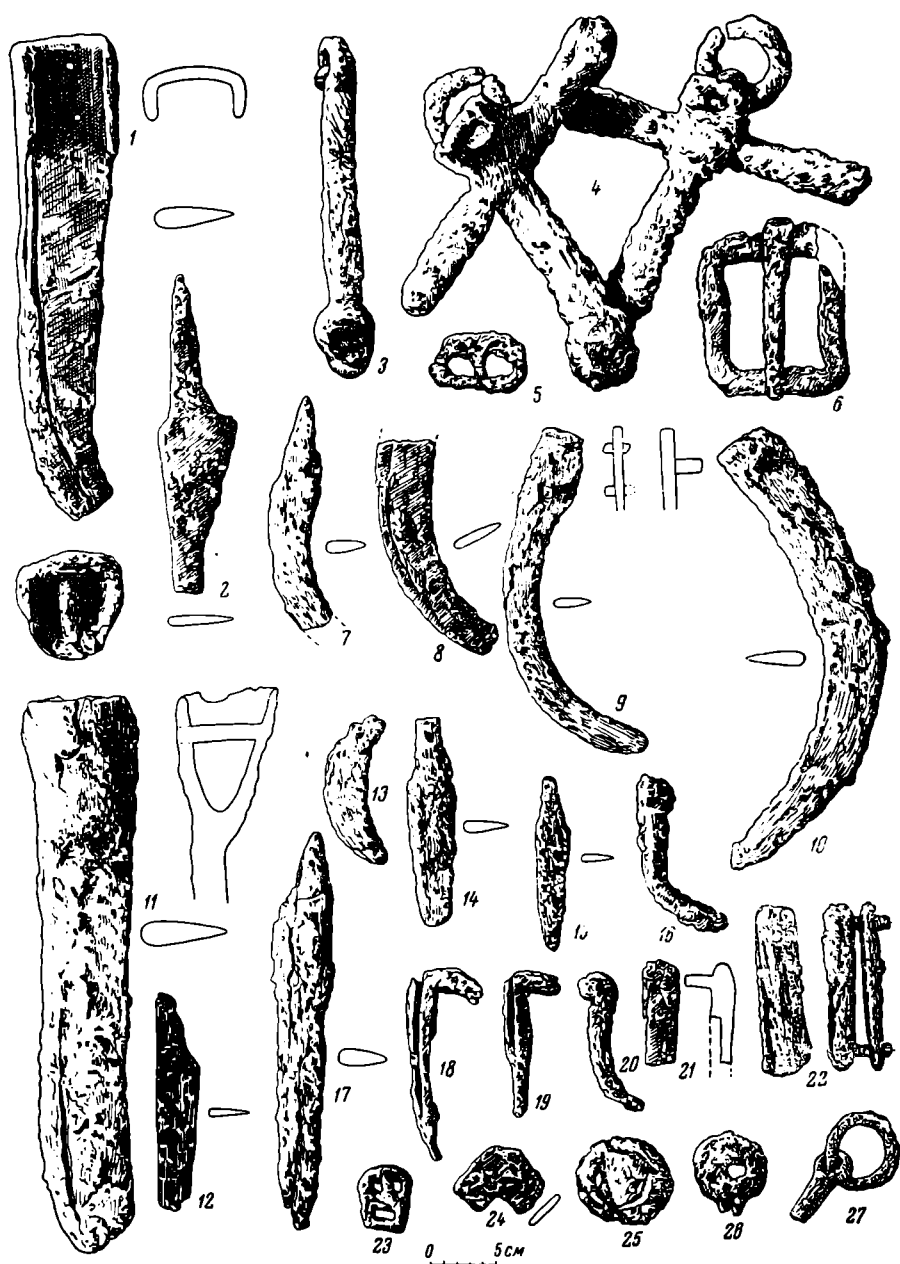

Рис. 4. Железные изделия из Пянджикента.

Два топорика, обнаруженные в 1952 г., несколько напоминают по форме распространенные до настоящего времени на Кавказе хозяйственные топоры, так называемые цалды, служащие для различных работ, преимущественно для рубки мелкого кустарника, очистки полей от колючек.

Интересны и два других предмета, которые предположительно определены нами как наковальня и лопатка для горна. Предмет, принятый за наковальню, найден в пригородном доме № 4. Он представляет собой массивный железный слиток весом около 5 кг, овальный в сечении.

Среди археологических находок Средней Азии до настоящего времени древние наковальни не встречались и форма их неизвестна.

Изделия из бронзы. Как и в предыдущие годы, в 1952 г. встречено много изделий из бронзы, но в большинстве случаев в обломках. Подавляющая часть находок происходит из раскопок помещений ограды храма. Некоторые фрагментарные остатки бронзовых предметов следует отнести, видимо, к отходам производства или, наоборот, к заготовкам для дальнейшей обработки (обломки витой проволоки, сплюснутые пластины и т. д.).

Из числа изделий, сравнительно сохранившихся, отметим несколько бубенчиков характерной шаровидной формы с прорезью внизу (рис. 5 — 2—4). Такие бубенчики часто встречаются в курганах Средней Азии, Семиречья и Южной Сибири, синхронных Пянджикенту.

Два небольших колокольчика, из которых один обычной формы в виде усеченного конуса, а другой в виде усеченной четырехгранной пирамидки, могут рассматриваться как принадлежность конской сбруи (подвески к ошейнику) или же в качестве культовых предметов. Второй из названных колокольчиков найден вместе с крупными бусами в угловом помещении ограды (северо-запад), имевшем несомненно культовое назначение. Интересен миниатюрный котелок с дисковидной подножкой, снабженный двумя дырочками (рис. 5 — 1), свидетельствующими о том, что предмет к чему-то пришивался или прибавлялся. Близкие по форме котелки найдены на Сукулукском городище в Киргизии на трассе Большого Чуйского канала. А. Н. Бернштам считает их половинками бубенцов (салтовского типа).

Из других бронзовых изделий отметим находку ключа от замка. За время работ на Пянджикентском городище это третий случай находок ключей, причем все ключи по форме отличаются друг от друга.

Из предметов, известных по находкам прошлых лет, отметим пряжки от пояса, иглы, мелкие гвоздики, скобы и пр.

Бусы. Бусы, как и в прошлые годы, встречались часто. Найдено больше всего коралловых бус. Обнаружены куски от коралловых веточек без отверстий. Возможно, что это остатки производства. Повидимому, коралл привозился в необработанном виде и выделка бус производилась на городище. Об этом можно судить и по некоторым другим найденным поделкам из коралла. Очень интересна коралловая подвеска, которой придана форма маленькой ножки (рис. 5 — 9). Для этого удачно использована естественная форма коралловой ветки и, кроме того, коралл подвергся специальной обработке, в частности, резцом обозначены все пять пальцев ноги.

Найдено несколько бус из различных полудрагоценных камней (лазурита, оникса, сердолика, халцедона, сардоникса). Но чаще всего встречались бусы из горного хрусталя. Среди этих бус есть явно бракованные экземпляры, с выщербинами или из весьма низкосортного материала (например, мутного горного хрусталя). По всей вероятности такие бусы следует отнести за счет брака местного производства.

Широко распространенными были бусы из пасты и стекла, также разнообразные по форме и величине. Среди них чаще всего попадаются мелкие экземпляры из зеленой пасты (бисер). Одна пастовая бусина найдена в золотом ажурном цилиндрике. Нередко встречаются и янтарные бусы, среди которых преобладают крупные экземпляры.

В заключение отмечу находку одного кристалла пирита с двумя отверстиями, сделанными на двух противоположных углах. Своеобразное применение кристаллов пирита засвидетельствовано находками в Пазырыкских курганах. Здесь найдены женские сапожки, на подошве которых такие кристаллы были нашиты в виде украшений наряду с бисером¹.

¹ С. И. Руденко. Горноалтайские находки и скифы. М.—Л., 1952, стр. 106, рис. 42.

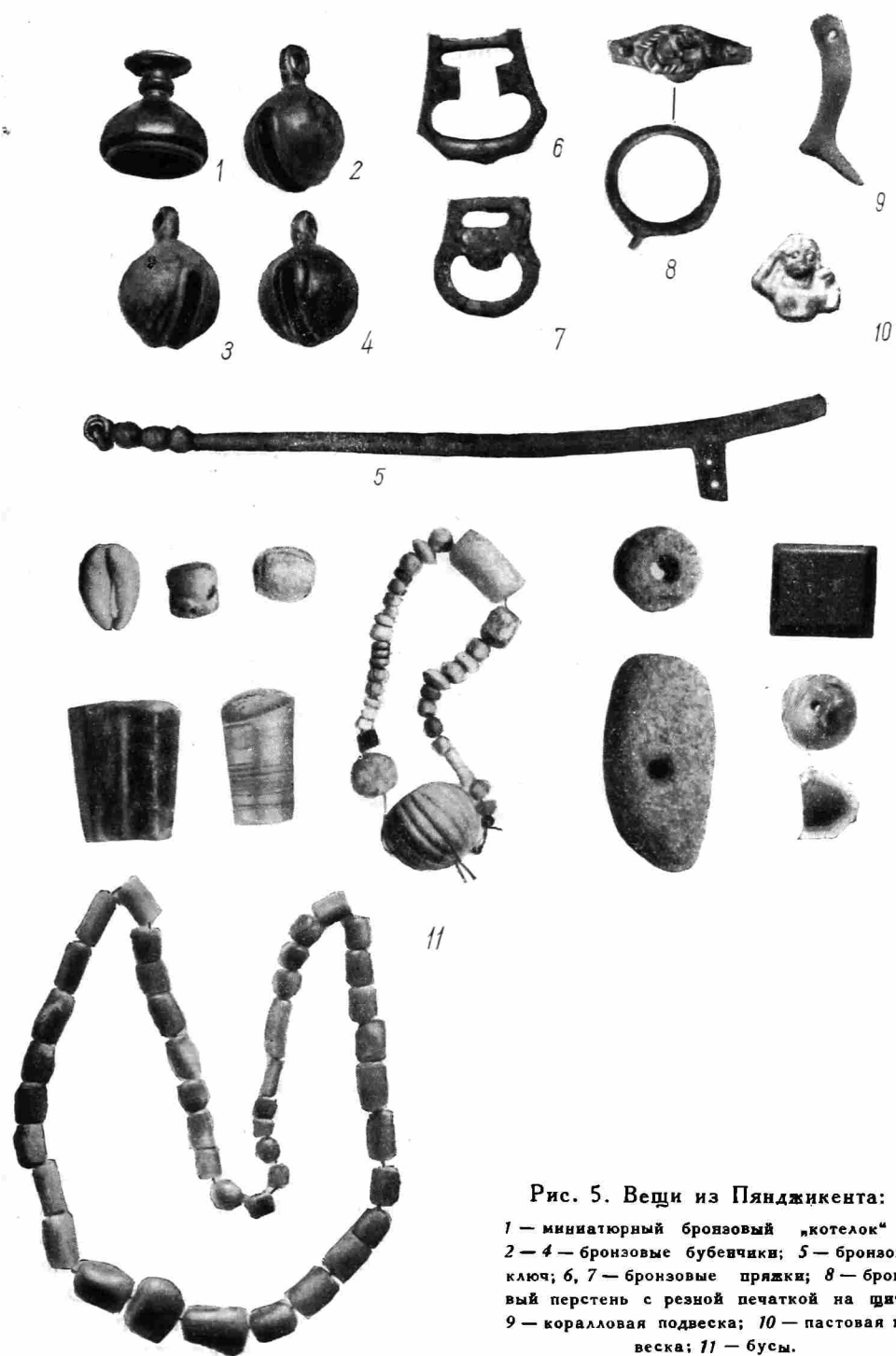

Рис. 5. Вещи из Пянджикента:

1 — миниатюрный бронзовый «котелок» (?);
 2 — 4 — бронзовые бубенчики; 5 — бронзовый
 ключ; 6, 7 — бронзовые пlectры; 8 — бронзо-
 вый перстень с резной печаткой на щитке;
 9 — коралловая подвеска; 10 — пастовая под-
 веска; 11 — бусы.

Общее впечатление, которое оставляют бусы из находок 1952 г., то, что они являются в основном предметами местного изготовления. Материал для них, за исключением коралла и янтаря, в изобилии имелся в соседних горах (самоцветы) и изготовлялся в местных мастерских (паста, стекло). Крупные каменные бусы — это votивные приношения в храм.

Изделия из кости. Остатки костяных поделок в Пянджикенте не редкость. В основном это пластинки или круглые рукоятки, украшенные

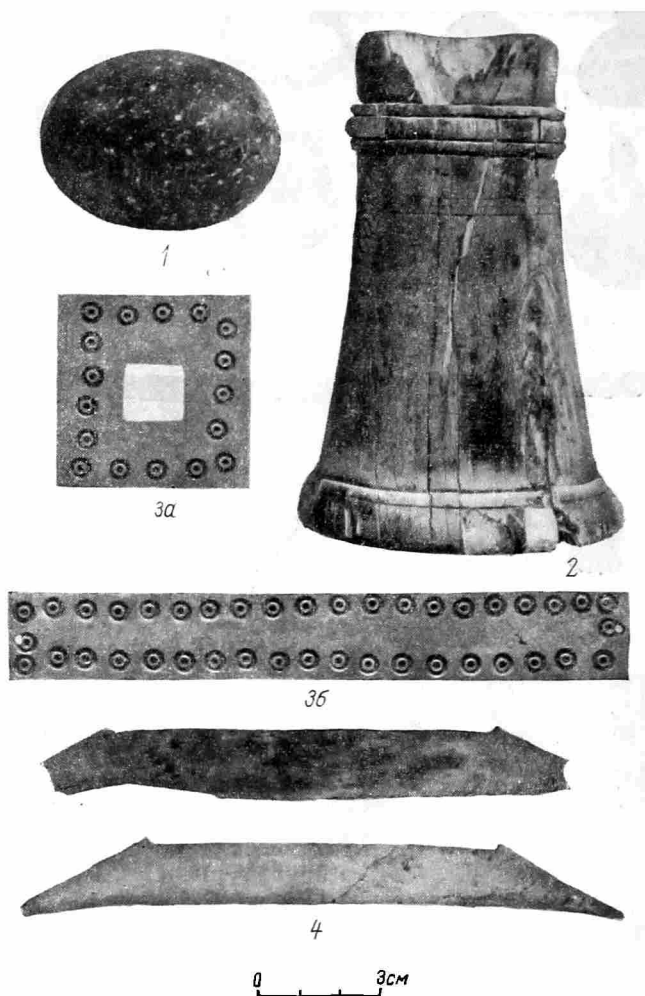

Рис. 6. Вещи из Пянджикента:

1 — каменное «яйцо»; 2 — костяная рукоятка меча; 3а, 3б — костяные пластинки; 4 — костяные накладки лука.

сравнительно стандартным орнаментом в виде циркульных кружков (рис. 6 — 3а, 3б). В 1952 г. найдено несколько таких пластинок, отличающихся тщательностью обработки. Назначение их неясно. Возможно, что такие пластинки служили для изготовления ларчиков или шкатулок. Наибольший интерес представляют впервые найденные четыре накладки для лука. Все они одинакового размера (длина 15 см, ширина 1,5 см), предназначались для серединной части лука (рис. 6 — 4). Внутренняя сторона покрыта перекрещивающимися неглубокими насечками для лучшего приклеивания к основе лука.

Особо следует отметить находку большой рукояти меча из слоновой кости, украшенной по краям рельефными валиками. Рукоятка сделана

в форме слабо суживающегося усеченного конуса высотой 13 см. Гнездо для черешка оружия имеет глубину 8 см (рис. 6—2).

Монеты. Находки монет особо обильны (300 штук). Только в одном помещении ограды второго храма встречено около 130 монет¹. Не было ни одного помещения, в котором не попадалось бы по нескольку монет. В большинстве случаев это монеты согдийского типа с квадратным отверстием. Коллекция пянджикентских монет в настоящее время превосходит все известные коллекции (Государственного Эрмитажа, Самаркандского музея и др.). Найдены также монеты других типов с изображениями лиц, в том числе бухархудатов, а также монеты с арабскими надписями. Последние дадут возможность уточнить верхнюю дату жизни города.

Разные находки. Из отдельных находок заслуживают быть отмеченными следующие предметы.

1. В северной ограде второго храма обнаружен небольшой стеклянный флакон (рис. 7). Фрагментов различных сосудов из стекла найдено более десятка. Несмотря на небольшое количество изделий из стекла, можно, однако, считать, что Пянджикент являлся местом изготовления стеклянной посуды. Об этом свидетельствует находка остатков стекольной мастерской. Редкость находок, видимо, объясняется тем, что стекло, как и другие ценные изделия, было унесено жителями.

Рис. 7. Стеклянный флакончик.

2. Крупная перламутровая пластинка, вероятно, предназначенная для дальнейшей обработки. В Пянджикенте и в прошлые годы были найдены отдельные мелкие изделия из перламутра, изготовленные, повидимому, на месте.

3. Темносерый, почти черный, хорошо обкатанный, яйцевидный по форме камень с выгравированным изображением колоса или ветки на одной стороне и рядом насечек на другой (рис. 6—1). Каменные «яйца» такого же типа, но без гравировки, известны по находкам на трассе Большого Ферганского канала. В. Д. Жуков полагает, что они имели или утилитарное значение и служили для подкладки домашним птицам, или же это были игрушки². Наличие гравированного рисунка на пянджикентском камне заставляет думать, что они имели какое-то магическое значение.

4. Косметическая каменная палочка для сурмления глаз (длина 7 см). Такие палочки известны по археологическим находкам и этнографическим данным.

5. Четыре надписи на согдийском языке. Из них три процарапаны на стенках глиняных сосудов до обжига. Одна надпись в две строки сохранилась полностью (рис. 8—1). От двух остальных сохранились лишь отдельные знаки. Четвертая надпись, также сохранившаяся фрагментарно, сделана черной тушью или краской на скульптуре. К сожалению, до сих пор они не прочтены. Однако сам факт наличия надписей на стенках глиняных сосудов очень интересен как свидетельство распространения грамотности среди населения.

¹ Подробнее о монетах древнего Пянджикента см. статью О. И. Смирновой в настоящем выпуске.

² В. Д. Жуков. Отчет о работе второго отряда Археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала им. И. В. Сталина. Труды Института истории и археологии АН УзССР, т. IV, стр. 64.

Памятники скульптуры. Некоторые находки прошлых лет указывали вполне определенно на то, что наряду с живописью в Пянджикенте было распространено и искусство ваяния.

В 1952 г. это наблюдение блестяще подтвердилось. Как указывалось, фрагменты скульптуры обнаружены в завале айвана у восточной стены второго храма. Ввиду большого значения этого открытия остановимся на нем подробнее. Изображения в большинстве случаев несомненно были преднамеренно варварски сбиты с тех мест, где они первоначально находились. В процессе раскопок обращено внимание на то, что на айване найден только один тип монет, а именно монеты с арабской легендой. После их очистки можно будет установить и дату гибели постройки, и, вероятно, виновников разрушений.

Благодаря очень скрупулезной работе реставраторов удалось вынуть, расчистить и закрепить многие различные по величине скульптурные фрагменты, в том числе два фрагмента одежды с поясами, крупный фрагмент полы одежды с замечательно изящной по рисунку рельефно изображенной оторочкой, две кисти рук, большой обломок блюда (?) с лежащей на нем рыбой, голову фантастического зверя, две головы драконов, изображение двух стоящих в геральдической позе драконов, помещенных в подковообразной рамке с отогнутыми краями (рис. 8—2), крупный фрагмент изображения человеческого лица (рис. 8—3). Несмотря на фрагментарность перечисленных скульптурных деталей, они свидетельствуют о высоком мастерстве скульпторов древнего Пянджикента.

Кроме того, обнаружена рельефная скульптурная панель, на которой сохранился ряд фигур, образующих определенную композицию. Эта панель идет по низу западной и южной стен южного крыла айвана. В наиболее высокой своей части она сохранилась почти на метр, а на участках, подвергшихся более сильному разрушению, на высоту всего лишь около 0,5 м. Характерно, что ни одной головы у человеческих фигур не сохранилось на месте. Очевидно, это обстоятельство также свидетельствует о том, что разрушение произведено арабскими завоевателями, совершавшими походы под знаменем ислама и видевшими в изображениях человеческих лиц признаки язычества.

Композиционно сохранившаяся панель делится на две не одинаковые по величине части. На первой, помещенной прямо над полом суфы, представлена фигура человека по пояс (рис. 9—1); в правой, опущенной книзу руке на ладони изображен крупный предмет, повидимому являющийся основанием большой базы жертвенника. Однако возможно, что он служил постаментом для скульптурной фигуры. Это тем более вероятно, что у подножия сооружения обнаружены раздавленные скульптурные фрагменты, которые вполне могли принадлежать человеческой фигуре. Человеческая фигура на панели безглавленная. Одета она в легкую, без рукавов, слегка складчатую одежду, стянутую в поясе. В открытом вырезе одежды резко выступают ключицы. Обнаженная рука непропорционально длинна по сравнению с фигурой. Скульптура по всей вероятности должна изображать лицо, приносящее дар храму.

На расстоянии 0,5 м от фигуры с «базой» в руке размещена вторая часть основной композиции панели, занимающая в длину почти 10 м и захватывающая обе стенки айвана, западную и южную. Начало оформлено в виде входа в скалистый грот. Здесь как бы зарождается водный поток, который и служит фоном для всей композиции. Вода показана в виде рельефных волн, разветвляющихся сперва спиралью, а затем идущих в разных направлениях. Волнистый фон был первоначально окрашен в синий цвет. На этом фоне и расположен ряд фигур.

В центре композиции на западной стене помещена человекообразная фигура (по пояс), как бы выходящая из воды, к которой с обеих сторон

Рис. 8. Изделия из обожженной глины:

1 — фрагмент глиняного сосуда с согдийской надписью; **2** — скульптурное изображение драконов в геральдической позе; **3** — фрагмент скульптурной головы.

направляются гиппокампы, рыбы и морские животные. Между отдельными фигурами много свободного пространства.

1

2

Рис. 9. Детали скульптурной панели на западной (1) и южной (2) стенах айвана.

Более компактно расположены фигуры на встречной, южной, стене (рис. 9—2). Здесь на пространстве 3 м помещено несколько групп изображений. Первая состоит из двух человеческих фигур (по пояс), выступающих из водной ряби. Они расположены за дельфинообразным (?) морским существом с завитым хвостом и головой, обращенной влево. Человеческие фигуры одеты в легкие складчатые одежды. В правой руке одна фигура держит небольшой жезл, в левой козленка (?). Не совсем ясно, связаны ли по за-

мыслу человеческие фигуры в одну группу с дельфином или же они независимы друг от друга. Впечатление таково, что обе фигуры плывут на дельфине и первая направляет движение жезлом.

Центр стены занят фигурой фантастического существа с человеческим туловищем, заканчивающимся двумя петлеобразно загнутыми змеевидными хвостами. Это самая крупная скульптурная фигура на панели. Обе руки отбиты в предплечьях. Туловище обнаженное. Лишь вокруг бедер слабым рельефом нанесен пояс пальметок, образующий набедренную повязку. От этой фигуры вправо изображены две рыбки, плывущие в сторону широко раскрытой пасти драконообразного чудовища. Верхняя и нижняя челюсти его снабжены мощными клыками и большими зубами. Изогнутый язык, первоначально окрашенный в красный цвет, толстые складки кожи над глазами и на шее с большой экспрессией передают свирепый облик хищника, готового проглотить плывущих в его сторону рыб.

Рис. 10. Фрагмент росписи. Бордюр на стенах северного крыла айвана.

Головой хищника заканчивается вся композиция. Скульптура у края стены повреждена.

Крупные фрагменты скульптуры сохранились на полу в северном крыле айвана. Здесь сохранилось сооружение, условно названное нами базой; оно аналогично той, которую держит в руке первая фигура в южном крыле айвана.

Расположены обе базы симметрично по отношению друг к другу, на одинаковом расстоянии от прохода. Но в северном крыле следов поддерживающей ее фигуры не обнаружено.

Большой интерес представляет постамент, открытый у северной стены северного крыла айвана. Прямоугольный в плане, он представлял собой лепное сооружение, фасадная сторона которого, к сожалению, сильно попорченная, была оформлена в виде переплетенных толстых жгутов (вероятно, изображавших змей), обрамленных рамкой. На постаменте стояла громадная человеческая фигура; от нее на месте сохранились только ступни ног, судя по которым фигура была больше человеческого роста по крайней мере в полтора раза.

На стенках южного крыла айвана роспись сохранилась только в виде незначительных пятен, на северном же крыле она сохранилась относительно хорошо. Здесь, несомненно, вся поверхность стен когда-то была покрыта многокрасочной росписью, окаймленной по низу широким меандровым бордюром (рис. 10).

Скульптура, открытая в Пянджикенте, наряду с памятниками скульптуры, обнаруженными в Хорезме, Бухаре (Варахша) и Южном Туркменистане (Ниса), бесспорно займет выдающееся место среди памятников искусства древних народов Средней Азии.

Предоставляя искусствоведам оценку художественных достоинств пиянджикентской скульптуры, следует отметить, что по своему содержанию (главным образом панели) она является уникальной среди открытых до последнего времени памятников ваяния Средней Азии. В сюжетах росписей Пиянджикента мы не находим каких-либо близких по содержанию мотивов. Последнее обстоятельство несомненно не случайное. Оно свидетельствует о том, что скульптурная панель и живопись Пиянджикента — памятники не синхронные. Ряд существенных деталей заставляет прийти к выводу, что открытая в айване панель — памятник более раннего времени, чем живопись, относящаяся к последнему этапу существования Пиянджикента. Стилистические особенности скульптуры бесспорно говорят о том же. Подтверждается это и анализом содержания. Действительно, ближайшие параллели, которые мы можем найти, датируются временем не позже V в. Это относится и к отдельным фигурам скульптуры панели и ко всей композиции в целом. Говоря об аналогиях и параллелях, мы имеем в виду общий характер их. Что касается художественной трактовки отдельных фигур и всей композиции, то она отличается несомненной оригинальностью и прямыми аналогиями ей мы не знаем. В этом смысле пиянджикентская скульптура, так же как и живопись, является произведением самостоятельной местной художественной школы.

Близкими параллелями к наиболее выразительным фигурам на панели, например чудовищу с разинутой пастью, фигуре человека со змеевидными хвостами вместо ног (тритону) и гиппокампу, могут служить открытые сравнительно недавно аналогичные скульптурные изображения в северном Афганистане. В скульптурных украшениях архитектуры Беграма (Шоторак)¹ и резной кости, найденной там же², можно встретить немало весьма близких по содержанию изображений. Как выяснено, аналогичные фантастические существа представляют вполне определенные мифологические образы, так называемые макара и якши, олицетворявшие водную стихию, связанные с ее богами³. Изображения этих существ получили, между прочим, широкое распространение в буддийском искусстве и специально в архитектурной скульптуре.

Появление таких образов в Средней Азии, где зависимость земледельческого населения от воды являлась одним из важнейших факторов мифотворчества, не представляет ничего неожиданного. Элементы почитания водной стихии в Средней Азии прослеживаются с глубокой древности и сохранились в фольклоре и этнографии до последнего времени. Особо важно отметить фольклорные отражения интересующих нас образов. Так, очень часто в среднеазиатских (таджикских в особенности) сказках выступают драконы, охраняющие источники воды. Столь же распространенным образом является, например, и водный конь (асп-и-оби). Можно считать несомненным, что к этой категории фантастических существ принадлежат и изображенные на фризе существа.

Вместе с тем было бы неверным видеть в пиянджикентском фризе только разрозненные, не связанные между собой отдельные образы. Во всей композиции чувствуется определенное единство. Можно предположить, что панель является своеобразным изображением того потока, от которого зависела жизнь населения, а именно Зеравшана. Исторически засвидетельствованное первоначальное имя этой реки — греческое Политимет и согдийское Намик — говорит о том, что Зеравшан был объектом почитания и обожествления.

¹ J. Meunier. Schotorak, MDAFA, т. X, Paris, 1942, pl. XXXVII.

² J. Hackin. Recherches Archeologiques de Begram. MDAFA, т. IX, pl. XXXIII, LXI, рис. 192.

³ Ср. А. Соомарасвами. YAKSAS, р. II, Washington, 1937, стр. 13 и др.

Одну из внешних форм, в которую было облечено представление о Зеравшане как о божественном источнике вод, по всей вероятности и дает нам скульптурная композиция панели.

По содержанию пянджикентская скульптура не стоит одиноко. Так, очень близким к пянджикентской панели является скульптурное изображение индийских рек Ганга и Джумны, открытое в Гвалиоре¹. Общий фон, изображающий водную поверхность, и отдельные водные существа гвалиорской скульптуры живо напоминают пянджикентские. Гвалиорский фриз датируется приблизительно тем же временем, что и памятники Беграма, — по словам известного исследователя индийского искусства Коомарасвами, рубежом IV и V вв. н. э.²

Таким образом, можно считать, что: 1) фриз из Пянджикента отражает круг верований, отличающийся от тех верований, которые отражены в живописи; 2) время создания скульптуры должно быть отнесено к более раннему периоду, чем живопись, т. е., видимо, к VI в. Эта дата соответственно должна быть отнесена и к Пянджикенту как поселению в целом.

Последний вывод находит свое подтверждение в одной интересной находке, сделанной также в 1952 г. Я имею в виду находку золотого брактеата, оттиснутого по образцу римских монет. Важно отметить то, что брактеат найден под стеной ограды храма в тайнике, вход в который был закрыт в древности суфой, после того как тайник был опустошен.

Рис. 11. Золотой брактеат.

Брактеат представляет собой оттиск штампом, образцом для которого послужила римская монета с изображением герба Рима — волчицы, кормящей двух младенцев (рис. 11). Как известно, римские монеты с таким изображением чеканились с III в. до н. э. до первой половины VI в. н. э. Сравнивая изображение на пянджикентском брактеате с монетами Рима, приходится признать, что, хотя брактеат и не копия с определенной монеты, иконографически трактовка эмблемы Рима на нем ближе к монетам V—VI вв. По всей вероятности, монета, по образцу которой был вырезан штамп, попала в Среднюю Азию в том веке, когда Средняя Азия вошла в прямой контакт с Византией. Учитывая обстоятельства находки брактеата, мы получаем лишнее подтверждение приведенного выше вывода о существовании Пянджикента в VI в. н. э.

¹ Коомарасвами. Указ. соч., pl. 20.

² Там же, стр. 76.